

Тот, кто пнул его, стоял на лестничной площадке третьего этажа и сказал: «Всего лишь шлюха, на которой перележали тысячи, а ты смеешь называть себя человеком?»

— Если я не человек, то что же ты за тварь, что провела со мной прошлой ночью?

У того исказилось от злобы лицо, и он рявкнул:

— Да ты, щенок, жить загорелся!

Цинь Синь, увидев это, поморщился и уже собрался встать, но Сяо Цянь схватил его за руку. Незнакомец, заметив, что Цинь Синь намерен вмешаться, подошел к их столу и заявил:

— Убирайтесь прочь! Сегодня я проучу этого молокососа.

Сяо Цянь спокойно ответил:

— Мы сидим тут и пьем, никому не мешая. Если хотите преподать урок — ваше право, я не стану препятствовать.

— О? Значит, так?

Незнакомец замахнулся кулаком на того изящного юношу, но тот бросился к Сяо Цяню с криком: «Спасите!» Цинь Синь только что оттащил его, когда нападавший внезапно развернулся и ринулся уже на него самого.

Поскольку оба сидели, внезапная атака застала их врасплох. А тем временем изящный юноша повалил Сяо Цяня на пол. Цинь Синь едва увернулся от удара, выхватил меч и одним махом сразил противника.

Он никак не ожидал, что тот окажется столь немощным. Зато кровь забрызгала его и Сяо Цяня с ног до головы. К этому времени стража уже услышала шум и поднялась вверх. Изящного юношу Сяо Цянь уже оттолкнул, но тот стоял бледный как смерть, не в силах вымолвить ни слова.

Сяо Цянь, крайне удивленный, дернул его за рукав:

— Что с тобой?

Тот юноша рассмеялся трижды и произнес: «Бамбук засох, листья пожелтели, карп стал драконом — как же сопровождать единорога?» С этими словами он испустил дух.

Цинь Синь поспешил осмотреть тело и заключил:

— Он принял яд.

Сяо Цянь, припоминая его последние слова, почувствовал неладное. Он только собрался подняться, как в глазах потемнело, и он рухнул без сознания.

Увидев, что Сяо Цянь пал, Цинь Синь лишь поддержал его и обратился к остальным:

— Позаботьтесь о князе. Я отправляюсь искать способ ему помочь.

С этими словами он бесшумно скрылся.

Старший из стражников, Мэн Кэ, обнажил меч и скомандовал:

— Братья, хватайте его!

— Поверьте мне, — крикнул Цинь Синь, уже отступая, — я непременно спасу князя! Но нужно несколько дней.

Он лишь сделал несколько ложных выпадов, затем воспользовался искусством легкого шага и исчез. Стража переглянулась, так и не поняв, что он задумал. Не успели они опомниться, как в *taverny* явились служители управы, вынуждая всех предъявить удостоверения, дабы как можно скорее перенести Сяо Цянь в покои префекта для лечения.

Самый известный врач Цзяннани, Хуа Жухай, после осмотра лишь развел руками: не понимает, в чем дело. Пульс ровный, никаких отклонений не обнаружено.

Старший стражник сказал:

— Немедля пошлите гонца к князю Ци, доложите о случившемся. Иначе, если он разгневется, нам всем не сносить голов. По-моему, этот Цинь Синь определенно замешан. В тот день только он и князь были в «Тереме Абрикосового Цвета». И стоило появиться двум убийцам, как князь потерял сознание, а тот хоть бы что. Не иначе как с ним и связан.

Другой подхватил:

— Подумать только, князь столько раз его выгораживал, а он, выходит, неблагодарная тварь. В тот день я тоже поднялся в *taverny* следом за князем и все видел. Едва тот здоровяк двинулся, Цинь Синь тут же прикончил его. Но кровь у того была странная. Попала в основном на того юношу, и лишь несколько капель долетело до князя — и его тут же скрутило.

Старший стражник покачал головой:

— Не факт, что дело в крови. Но как ни крути, князь в беспамятстве, а Цинь Синь цел и невредим. Тут явно что-то упущено. А когда он уходил, то сказал, что идет искать способ спасения. Стало быть, знает, откуда у князя эта хворь!

Они уже все перепроверили: и абрикосовое вино, что пил Сяо Цянь, и стол, за которым сидел, и кровь того силача, и даже одежду и благовония на теле того мелкого чиновника. Никаких зацепок.

Спустя семь дней префекту удалось разыскать в Цзяннани Чжана Хуайминя, придворного лекаря прежней династии, ныне проживавшего на покое. Чжан Хуайминь был в свое время весьма знаменит, но потом внезапно удалился от дел и вернулся на родину. Он только собрался приступить к осмотру, как Сяо Цянь неожиданно очнулся, к великой радости присутствующих. Выслушав, как он таинственным образом лишился чувств в *taverne*, Сяо Цянь лишь задумчиво промолчал. Мэн Кэ, сгущая краски, пересказал слова Цинь Синя перед уходом, но Сяо Цянь не придал им значения и лишь велел не чинить тому препятствий. Что же до личностей двух убийц, то управа билась над этим несколько дней, но так ничего и не выяснила.

Отдохнув два дня, Сяо Цянь велел собираться в путь. Поскольку осмотр подтвердил, что он здоров, и он сам настаивал, караван двинулся в столицу. Префект выделил для охраны сотню стражников и, опасаясь возможных осложнений, распорядился, чтобы Чжан Хуайминь также сопровождал князя в столицу.

Но всего через пять дней пути Сяо Цянь вновь впал в забытие, и пульс его стал еще слабее прежнего. Лекари впали в панику и отправили гонца к Сяо И, но ответа пришлось ждать.

Через семь дней Сяо Цянь пришел в себя и, призвав Чжана Хуайминя, спросил:

— Чжан-тайи, помнится, вы также лечили императрицу Цзяюань. Вы уже в летах, а вас заставляют таскаться со мной в дальнюю дорогу. Должно быть, тяжело вам. Приношу свои извинения.

Чжан Хуайминь ответил:

— Ныне я всего лишь простолюдин, как могу удостаиваться титула тайи? Ваше высочество — принц крови, и долг врача, тем более перед августейшей фамилией, — безоговорочный.

Сяо Цянь спросил:

— Отец как-то упоминал, что в младенчестве я был при смерти от болезни, и вы меня спасли. За столь великую милость называть вас тайи более чем уместно.

Чжан Хуайминь склонил голову:

— То была лишь моя обязанность. Хотя тогда я и смог спасти ваше высочество, сейчас... ручаться трудно.

Сяо Цянь, казалось, не обратил на эти слова внимания и спросил:

— Что вы хотите сказать? Излагайте прямо.

Чжан Хуайминь ответил:

— Ваше высочество пробуждается на семь дней, затем вновь погружается в сон на семь дней, и пульс с каждым разом все слабеет. По мнению этого старого слуги, с каждым пробуждением пульс словно бы угасает. Прошу прощения за дерзость, но болезнь ваша... странная. Я вводил серебряные иглы в ваши точки — почернения нет, значит, не отравы. Боюсь, это...

Сяо Цянь переспросил:

— Что «это»? Говорите без утайки.

Лекарь Чжан пал ниц:

— Такие симптомы... боюсь, это не яд, а гу.

Со времен основания династии Дунлин колдовство и гу строжайше запрещены. Некогда на Южных землях гу процветал, особенно в королевском клане Эрхяя. Когда же клан Эрхяя был истреблен Гу Чжао, гу словно в воду канул. Если же слух о том, что Сяо Цянь поражен гу, дойдет до Сяо И, вновь поднимется смятение при дворе и начнется всеобщая паника.

Выслушав, Сяо Цянь спросил:

— Тайи, считаете ли вы, что этот гу можно изгнать?

Чжан-тайи ответил:

— Этот старый слуга не в силах определить, что это за гу, а потому не может утверждать ничего.

— Ступайте, я понял, — сказал Сяо Цянь. — Что касается гу, прошу вас сохранить это в тайне.

Затем он позвал Мэн Кэ и приказал:

— Отдай распоряжение: независимо от того, в сознании я или нет, мы продолжаем движение на столицу без задержек.

Мэн Кэ тут же опустился на колени:

— Ваше высочество, вы страдаете от неведомого недуга, как же выдержите долгий путь? Лучше найти место для отдыха и дожждаться лекарей, которых пошлет император.

Сяо Цянь покачал головой:

— Не надо. Когда я сплю, двигайтесь медленнее. Когда в сознании — идите днем и ночью.

Мэн Кэ, видя, что уговоры бесполезны, лишь покорно кивнул, а вернувшись в свою комнату, немедленно написал донесение и отправил его в столицу с голубем. С того дня, как Сяо Цянь заболел, минуло уже более двадцати дней, а на все донесения, отправленные Сяо Цзюэ, ответа не было.

Сяо Цянь то пребывал в забытьи, то ненадолго приходил в себя, и так добрался до Личжоу. Путь из столицы в Цзяннань занял у них четыре месяца, поскольку приходилось заезжать в уездные города для ревизии счетов. Теперь же, когда ревизия завершена, они шли куда быстрее и за месяц с небольшим приблизились к столице. От Личжоу до столицы всего семь дней пути, но Сяо И повелел Сяо Цяню остаться здесь на поправку и пока в столицу не въезжать.

В ту ночь Сяо Цянь очнулся от шума за дверью и попытался приподняться, но даже сесть оказалось непосильным трудом. С великим усилием он поднялся, но рухнул с кровати. Едва он попытался подняться, как в комнату ворвался человек.

Им оказался Цинь Синь. Он помог Сяо Цяню подняться и, не говоря ни слова, сунул ему в рот пиллюлю.

— Что ты мне дал? — спросил Сяо Цянь.

<http://bllate.org/book/15946/1425748>